

Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. [Общие вопросы: Как явилась у Никона мысль об исправлении обрядов и книг и что такое было или в чем состояло его исправление книг?] // Богословский вестник 1892. Т. 1. № 2. С. 277–312 (2-я пагин.). (Продолжение.)

КЪ НАШЕЙ ПОЛЕМИКЪ СЪ СТАРООБРЯДЦАМИ.

ОБЩЕ ВОПРОСЫ.

II.

Какъ явилась у Никона мысль объ исправленіи обрядовъ и книгъ и что такое было или въ чемъ состояло его исправленіе книгъ?

До патріарха Никона русскіе объясняли свои разности съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ и песогласіе своихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ съ книгами греческими такимъ образомъ, что они-русскіе неизмѣнно сохраняютъ чистоту православія древнихъ грековъ, а будто позднѣйшіе греки, отступивъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества. Патріархъ Никонъ созналъ несправедливость существовавшего у насъ мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, почему и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и книгъ. Но какъ случилось, что Никонъ созналъ несправедливость этого мнѣнія, послѣ того какъ оно господствовало у насъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій и въ продолженіи столѣтій было содержимо у насъ со всею твердостію?

Наше русское мнѣніе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и заразились еретическими новшествами, было вопіющею несправедливостію по отношенію къ этимъ позднѣйшимъ грекамъ. Вопіющей несправедливости когда-нибудь долженъ былъ настать конецъ, и Никонъ былъ призванъ къ тому, чтобы положить ей конецъ. Самъ собою онъ едва ли былъ бы въ состояніи возвыситься до сознанія несправедливости

нашего мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, потому что самъ собою онъ ничѣмъ не могъ бы быть возбужденъ къ этому. Но онъ способенъ былъ внимать и внять представленіямъ относительно сего людей стороннихъ, что и дѣйствительно имѣло мѣсто: переворотъ мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ произвели въ немъ іерусалимскій патріархъ Паисій и кievскіе ученые.

Іерусалимскій патріархъ Паисій прибылъ въ Москву за милостыней 27 января 1649 г. и оставался въ ней въ продолженіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ до 10 іюня того же 1649 г. Совершенно естественно было, чтобы, побуждаемый желаніемъ получить отъ государя возможно щедрую милостыню, онъ постарался приобрести расположеніе людей, паходившихся въ наибольшемъ приближеніи къ государю. Однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Алексѣю Михайловичу людей былъ въ то время Никонъ, котораго Паисій засталъ архимандритомъ новоспасскимъ и который при немъ 11 марта 1649 г. былъ поставленъ въ митрополиты новгородскіе. И дѣйствительно Паисіи постарался сблизиться съ Никономъ. Дней черезъ пять — черезъ шесть по своемъ прибытіи въ Москву, предъ наступленіемъ великаго поста (который въ 1649 г. начался 4 февраля), онъ подалъ чрезъ Посольскій приказъ свой „листъ“ государю, въ которомъ, высказавъ ему пожеланія провести время поста здраво и невредимо и пр., обращался къ нему съ просьбой: „пребывая при вашей милости говорилъ я въ прошлые дни съ преподобнымъ архимандритомъ спасскимъ Никономъ и полюбилась мнѣ бесѣда его, — онъ есть мужъ благоговѣнный, досуужій (пріятный, серьезный, назидательный *) и вѣрный царствію вашему: прошу, да будетъ имѣть свободу приходитъ къ намъ бесѣдовать подосугу, безъ запрещенія великаго вашего царствія“ **). И вотъ въ своихъ бесѣдахъ съ Никономъ „по-

*) Переводъ котораго либо изъ греческихъ: *δαίσις, σπουδαῖος, διδακτικός.*

**) Паисій обращается къ царю съ приводимою просьбою потому, что въ то время у насъ не дозволялось никому имѣть сношеній съ важными пріѣзжими иностранцами, въ томъ числѣ и съ греческими патріархами, безъ вѣдома и разрѣшенія правительства (а „въ прошлые дни“, т. е. тотчасъ по пріѣздѣ Паисія въ Москву, Никонъ „говорилъ“ съ нимъ, т. е. имѣлъ съ нимъ свиданіе и бесѣду, какъ пужно думать, по приказанію государя, который, вѣроятно, поручилъ Никону лучше высмотрѣть патріарха).

досугу“ патриархъ и успѣлъ поколебать въ немъ его прежде, общее со всѣми русскими, мнѣніе о позднѣйшихъ грекахъ. Съ начала XVI вѣка греки начали прїѣзжать въ Москву за милостыней въ очень большомъ количествѣ, такъ что до Паласія ихъ перебивало въ Москвѣ великое множество; если пребываніе въ Москвѣ никого изъ прежнихъ грековъ не сопровождалось тѣми послѣдствіями, которыми сопровождалось пребываніе Паласія: то съ одной стороны, это, можетъ быть, значить, что ни у кого изъ прежнихъ грековъ не хватало мужества, чтобы говорить русскимъ о несправедливости ихъ мнѣнія о нихъ-позднѣйшихъ грекахъ *), а съ другой стороны — это во всякомъ случаѣ значить, что до Никона у русскихъ вовсе не находилось охоты слушать подобныя рѣчи. Какъ мало было у прежнихъ русскихъ охоты слушать помянутыя рѣчи, это мы видимъ на примѣрѣ ихъ поведенія съ патриархами Гереміей и Оеофаномъ: удовлетворяя неразумному со стороны русскихъ требованію, основанному на ихъ своеобразномъ московскомъ пониманіи дѣла, будто патриархи обладаютъ преизлишествомъ архіерейской благодати, Геремія долженъ былъ поставить въ патриархи Иова, а Оеофанъ — Филарета, съ повтореніемъ полнаго архіерейскаго рукоположенія **), и затѣмъ первый изъ двоихъ посредствомъ собственноручной подписи долженъ былъ подтвердить русское мнѣніе о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, и что она „благочестіемъ всѣхъ презыде“, ибо это читается въ уложенной грамотѣ объ учрежденіи патриаршества, подписанной Геремією ***), а второй безъ церемоніи учимъ былъ (и смиренно позволялъ учить себя) русскимъ обычаямъ и порядкамъ совершенія богослуженія ****). Если Паласій рѣшился повести съ Никономъ рѣчи о несправедливости мнѣнія русскихъ относительно позднѣйшихъ грековъ:

*) Въмѣстѣ съ отсутствіемъ мужества Оларіи указываетъ еще другую причину, почему греки не говорили русскимъ о несправедливости ихъ мнѣнія, это — опасеніе лишиться значительныхъ приношеній, которыя они ежегодно получали отъ послѣднихъ, — русскій переводъ Путешествія въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1868 г. кн. 4, стр. 387.

**) *Превосв. Макарія* Ист. X, 36 нач. и XI, 6.

***) Собр. гос. удд. грам. и договв. II, 97 соф. 2.

****) См. у архим. *Леониды* въ Описаніи рукописей Московской Духовной Академіи приложение къ № 32 (202), перваго выпуска стр. 165.

то необходимо понимать это такъ, что, имѣя мужество и желаніе поднимать рѣчь объ этомъ, онъ примѣтилъ въ Никонѣ готовность ее слушать. Относительно мужества Паисія, конечно, должно предполагать, что онъ надѣленъ былъ имъ отъ природы и что по этому свойству своего характера онъ представлялъ изъ себя человѣка нерядоваго; а что касается до желанія, то оно совершенно понятно: нѣтъ сомнѣнія, оно было давнымъ желаніемъ грековъ. Готовность Никона слушать рѣчи Паисія, само собою разумѣется, должна была зависѣть отъ свойствъ и качествъ его ума. Нужна была терпимость, которая бы дозволила Никону слушать доводы противъ того, что составляло на Москвѣ твердое убѣжденіе; нужна была сила ума, чтобы признать основательность доводовъ, и наконецъ нужна была смѣлость ума, чтобы не смущаться передъ мыслию о необходимости измѣнить существовавшее дотолѣ убѣжденіе. Что Никонъ отличался силою и смѣlostью ума, это есть фактъ общепризнанный. Повидимому, онъ вовсе не отличался терпимостію. Но если впослѣдствіи онъ съ нетерпимостію проводилъ свое новое убѣжденіе, то всегда бываетъ такъ, что люди новобѣжденные не отличаются терпимостію, и это нисколько не отрицаетъ въ нихъ присутствія терпимости за то, такъ сказать—нормальное для нихъ, время, пока они держатся стараго убѣжденія: терпимость есть свойство сильныхъ умовъ, какъ несмущаемость предъ мыслию о возможности переменить взглядъ, иначе при упорномъ „не хочу слушать“ невозможенъ былъ бы для нихъ переходъ отъ предубѣжденій къ убѣжденіямъ. Приведенный доводами Паисія къ большому или меньшему сомнѣнію въ справедливости господствовавшего на Москвѣ убѣжденія, будто у позднѣйшихъ грековъ повреждена чистота православія, Никонъ долженъ былъ сообщить о своемъ сомнѣніи царю Алексѣю Михайловичу. Алексѣй Михайловичъ, вовсе не имѣвшій твердаго характера Никона, былъ, какъ извѣстно, человѣкъ исключительнаго ума, которымъ онъ во всякомъ случаѣ равнялся съ Никонемъ, а можетъ быть и въ значительной степени превосходилъ его. Слѣдовательно, если доводы Паисія въ пользу грековъ подѣйствовали на сего послѣдняго: то столько же и еще болѣе они могли подѣйствовать и на государя. Кромѣ Никона были у Алексѣя Михайловича,

въ 1649 г. 20-лѣтняго юноши, еще два человѣка, безъ совѣта съ которыми онъ не давалъ мыслямъ своимъ никакого опредѣленнаго направленія, это — воспитатель его бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ и его духовникъ благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Воинфатьевичъ. Оба эти послѣдніе представляли изъ себя людей весьма выдающихся, способнымъ внимать голосу истины, и оба они стали на сторону сомнѣній государя и Писка. Приведенный къ сомнѣнію, царь Алексѣй Михайловичъ съ своими совѣтниками рѣшилъ подвергнуть вопросу своему изслѣдованію, дабы, въ виду великой его важности, не оставаться при одномъ сомнѣніи, а остановиться на чемъ-нибудь положительномъ. Съ сею цѣлью на первыхъ порахъ рѣшено было имъ отправить на Востокъ надежнаго русскаго человѣка, который привезъ бы возможно обстоятельное допесеніе, насколько греки разнятся съ нами въ обрядахъ и обычаяхъ и въ чинахъ церковныхъ. Въ исполненіе такого рѣшенія и посланъ былъ на Востокъ вмѣстѣ съ самимъ патріархомъ Писсіемъ извѣстный Арсеній Сухановъ, который представилъ потомъ государю въ видѣ допесенія свой Проскиптарій *).

Со всею и совершенною вѣроятностью слѣдуетъ думать, что это первое изслѣдованіе вопроса было дѣломъ частнымъ и тайнымъ у царя съ его тремя названными совѣтниками и что въ тайну не былъ посвященъ и самъ патріархъ Іосифъ. Разумѣемъ подъ тайною не то, чтобы Арсеній былъ отправленъ на Востокъ секретно, — онъ отправленъ былъ совершенно открыто, а то, что составляла тайну истинная цѣль, для которой понадобилось государю имѣть свѣдѣнія о чинахъ и обрядахъ греческихъ. Въ самое время пребыванія Писсія въ Москвѣ между духовникомъ царя и патріархомъ Іосифомъ произошла такая сильная ссора, которая дѣлала совершенно невозможнымъ привлеченіе послѣд-

*) Можетъ показаться недоумѣннымъ, что для описанія греческихъ богослужебныхъ чиновъ и обычаевъ Сухановъ посланъ былъ въ Іерусалимъ, а не въ Константинополь и не на Афонъ. Но въ Москвѣ, какъ это необходимо думать, предполагали существованіе у грековъ повсюднаго единообразія въ богослужебныхъ чинахъ и обычаяхъ, а между тѣмъ, посылая Суханова въ Іерусалимъ, хотѣли достигнуть двухъ цѣлей — получить описаніе греческихъ богослужебныхъ чиновъ и вмѣстѣ описаніе наместническихъ святыхъ мѣстъ.

ниго къ тайнѣ, а поводъ къ которой дастъ знать, что не могли имѣть и охоты привлекать его къ ней. Дѣло было въ слѣдующемъ. Относительно совершенія богослуженія, съ цѣлью его ускоренія, у насъ съ весьма давняго времени ввелся безобразнѣйшій обычай пѣть заразъ на обоихъ клиросахъ и читать заразъ въ нѣсколько голосовъ — въ пять, въ шесть и даже больше *). Противъ этого обычая напрасно писалъ митр. Фотій въ одномъ изъ своихъ посланій во Пековъ (томъ же самомъ, въ которомъ о троеніи нѣсни аллелуія), напрасно сдѣлалъ свое постановленіе Стоглавый соборъ и напрасно подтверждалъ постановленіе собора патр. Гермогенъ **). Спустя 24 года послѣ смерти Гермогена обратилъ свое вниманіе на возмутительное безобразіе непосредственный предшественникъ патриарха Іосифа Іосафъ I-й и пытался было хотя нѣсколько ограничить его посредствомъ компромисса, а именно — предписалъ было, чтобы многогласіе не шло далѣе двухъ — трехъ заразъ голосовъ ***). Стефанъ Вонифатьевичъ, представлявшій собою не только человека, какъ сказали мы выше, весьма выдающагося, но и церковнаго нашего дѣятеля истинно замѣчательнѣйшаго, ставъ духовникомъ одушевленнаго наилучшими намѣреніями по отношенію къ государству и къ церкви Алексѣя Михайловича съ самаго начала его царствованія ****) и тотчасъ же прио-

*) Память патриарха Іосафа I-го тиуу Маюилову въ Акт. Экен., III, № 264, сѣгъ челобятную патр. Іосифу одного неизвѣстнаго, относительно церковныхъ безпорядковъ, напечатанную въ 1-мъ выпускѣ сочиненія г. *Кантерова* Патриархъ Пиконъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ, стр. 168 (неизвѣстный говоритъ, что благодаря многогласному пѣнію службы совершаются въ церквахъ Божіихъ образомъ пенетоваго пѣяства. — Подлиннѣйшія греческія церковныя власти многогласно совершали церковныя службы, находясь въ дорогѣ (см. статью Арсенья Суханова. О чинѣхъ греческихъ вкрапцѣ) должно думать, что это дорожное многогласіе мы и замѣтили отъ грековъ къ всегдашнему употребленію. Но и дорожное греческое многогласіе не представляло того безобразія, какое представляло наше многогласіе всегдашнее у грековъ: не пѣли или не читали заразъ громко въ нѣсколько голосовъ, но одинъ пѣлъ или читалъ громко, а другіе нѣсколько читали тайно).

***) Акт. Экенед. IV, № 327.

****) Сейчасъ указанная память.

*****) Предшественникъ Стефана въ качествѣ благовѣщскаго протопопа и царскаго духовника Пикита Кавадѣвъ упоминается въ маѣ 1644 г. (какъ одинъ изъ участниковъ въ преніяхъ съ настояремъ королевича Воль-

брѣтши величайшее на него вліяніе, задался мыслью о широкой и серьезной церковной у насъ реформѣ, — объ исправленіи правовъ духовенства и мірянъ, о приведеніи въ надлежащій видъ безобразнаго дотолѣ богослуженія и о возобновленіи въ церквахъ ученія къ народу (посредствомъ положеннаго по уставу чтенія твореній отеческихъ и житій святыхъ, какъ это послѣднее предписывалъ было и предшественникъ Іосифа Іоасафъ) *). Но, не говоря объ исправленіи правовъ духовенства и мірянъ, приведеніе въ надлежащій видъ безобразнаго дотолѣ богослуженія или введеніе единогласія вмѣсто многогласія было дѣломъ вовсе не шуточнымъ. Такъ какъ введеніе единогласія составляло то же, что значительное удлинненіе богослуженія: то противъ него самымъ рѣшительнымъ образомъ были всѣ міряне, и серьезнымъ образомъ поставленный вопросъ о немъ возбуждалъ цѣлую пастоящую революцію въ обществѣ. Стефанъ Воиফатъевичъ собралъ около себя въ Москвѣ кружокъ сочувствовавшихъ ему людей, которые горячо пропагандировали его мысль о необходимости единогласія; привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ провинціальныхъ протопоповъ (или же при посредствѣ государя ставилъ на протопопскія мѣста людей себѣ единомысленныхъ): но безъ оффиціального и дѣятельнаго участія патріарха и архіереевъ цѣль не могла быть достигнута. Между тѣмъ, патріархъ Іосифъ, угождая ли боярамъ, которымъ вовсе нежелательно было

демара); Стефана находимъ благовѣщенскимъ протопопомъ и духовникомъ царскимъ въ сентябрѣ 1645 г., — Визлѣн. VII, 242: когда въ промежуточное время онъ сталъ благовѣщенскимъ протопопомъ и духовникомъ царскимъ, остается неизвѣстнымъ. Если Алексѣй Михайловичъ не наследовалъ его отъ отца († 12 іюля 1645 г.), а самъ выбралъ: то необходимо будетъ думать, что остановивъ на немъ свой выборъ въ слѣдствіе его выдающихся качествъ. Биографическихъ свѣдѣній о Стефанѣ мы никакихъ не имѣемъ. Архим. Леонидъ въ Описаніи рукописей бібліотеки Московской Духовной Академіи, на основаніи источника, котораго не указывасть, дѣлаетъ предположеніе, что онъ былъ повгородецъ, вып. II, № 18 (178), стр. 208. То обстоятельство, что онъ основалъ пустыню въ честь Зосимы и Савватія соловецкихъ (Марчуковскую, близъ Москвы) и что въ монашествѣ самъ припаялъ имя Савватія, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что онъ былъ откуда-то съ сѣвера, на которомъ особенно чтились Зосима и Савватій соловецкіе.

*) Рѣчи о Стефанѣ Воифатъевичѣ, дающія достаточное о немъ понятіе, можно читать въ указанномъ сочиненіи г. Каптерева (гл. VI).

единогласіе, или, какъ говоритъ Шушеринъ, по тупой привязанности къ старинѣ, стоялъ за многогласіе. Это отстаиваніе патріархомъ стараго безобразія и было причиною ужасной ссоры между нимъ и Стефаномъ Воифильевичемъ. 11 февраля 1649 г., въ сборное воскресенье, патріархъ и бывшіе въ Москвѣ архіереи пришли послѣ службы въ царскія палаты. Во время представленія ихъ государю Стефанъ выступилъ съ публичною жалобой на нихъ послѣднему, которая по своему характеру была жестокой противъ нихъ бранью: они названы были волками и губителями, а не пастырями *). Послѣ такой сильной ссоры между духовникомъ и патріархомъ, въ которой, какъ необходимо думать, и самъ Алексѣй Михайловичъ принималъ косвенное и скрытое участіе **), не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы пытаться привлечь патріарха къ тайнѣ, о которой говоримъ. Что дѣло дѣйствительно составляло тайну, это видно изъ поведенія Арсенія Суханова по отношенію къ грекамъ: въ своихъ извѣстныхъ преніяхъ съ ними онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаиваетъ московскій взглядъ на нихъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ обвиняетъ ихъ въ еретическихъ повнѣствахъ; но если бы онъ зналъ, по какому побужденію и съ какою цѣлію онъ посланъ былъ царемъ для описанія чиновъ и обрядовъ греческихъ, то говорилъ бы съ греками значительно инымъ тономъ, и очень можетъ быть, что и самыя его пренія съ ними не имѣли бы мѣста.

Но прежде, чѣмъ Арсеній возвратился съ Востока съ своимъ Проскриптаріемъ, въ Москвѣ совершился окончательный переворотъ мнѣнія о грекахъ. Дѣло, начатое Паисіемъ, докопчили, какъ мы сказали, кievскіе ученые, которые прибыли въ Москву непосредственно въ слѣдъ затѣмъ.

*) См. челобитную патр. Іосифа государю на Стефана Воифильевича въ приложеніяхъ къ указанному сочиненію г. Калтерова. Что причиною жалобы и брани Стефана, о чемъ прямо не говорится въ челобитной, было именно отстаиваніе патріархомъ многогласія, см. ниже.

**) По своему крайне мягкому характеру Алексѣй Михайловичъ не могъ самымъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствовать противъ патріарха, но необходимо думать, что Стефанъ затѣявъ ссору съ патріархомъ съ предварительнаго согласія царя. Можно предполагать, что патріархъ и архіереи и пришли во дворецъ не по существовавшему относительно даннаго дня обычаю, а бывъ парочно пованы (ср. Выходы государей; и патріархъ говоритъ въ челобитной, что царь *увлажалъ* ему и архіереямъ быть у себя).

какъ выбыль изъ нея патріархъ іерусалимскій. Между учеными должно разумѣть собственно одного, это — знаменитаго Епифанія Славинцекаго.

Кіевскіе ученые были вызваны царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для двухъ цѣлей: для риторскаго ученія и для справки Библии греческія на славянскую рѣчь, т. е. для заведенія въ Москвѣ настоящаго училища съ научнымъ образованіемъ и для повѣрки и исправленія славянскаго текста Библии по греческому подлиннику. Первое, до нѣкоторой степени настоящее, училище было открыто въ Москвѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и патріархѣ Филаретѣ въ концѣ 1632 г., благодаря прибытію въ нее грека, способнаго быть учителемъ; но, просуществовавъ не много болѣе года, оно закрылось за смертію учителя (протосинкелль александрійскаго патріарха Іосифъ) *). Въ началѣ 1646 г., т. е. уже въ правленіе Алексѣя Михайловича и при патріархѣ Іосифѣ, нѣкоторые греки, желавшіе водворить у насъ просвѣщеніе, прислали было другаго учителя (константинопольскаго архимандрита Венедикта); но этотъ учитель не понравился въ Москвѣ, главнымъ образомъ, кажется, патріарху съ его ближайшими совѣтниками, своимъ дѣйствительнымъ, или только такъ найденнымъ у насъ, ученымъ высокобріемъ, и, проживъ въ Москвѣ годъ, былъ отпущенъ изъ нея назадъ **). Между тѣмъ, если Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своимъ отцомъ только не прочь были завести въ Москвѣ настоящее училище, когда представлялась къ тому возможность, то Алексѣй Михайловичъ, идя далѣе своихъ отца и дѣда и представляя собою истиннаго преемника своего великаго сына, одушевленъ былъ положительнымъ и страстнымъ желаніемъ ввести въ Москвѣ „риторское ученіе“, т. е. настоящее научное образованіе ***).

*) Впрочемъ, существованіе этого перваго училища неизвѣстно совершенно достовернымъ образомъ. Іосифъ оставленъ былъ въ Москвѣ между прочимъ затѣмъ, чтобы „учити на учительскомъ дворѣ малыхъ робятъ греческому языку и грамотѣ“. но училъ ли онъ дѣйствительно, относительно этого положительныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

***) Не невозможно, что Венедиктъ имѣлъ смѣлость укорять русскихъ за ихъ мнѣніе о грекахъ.

***) Объ этомъ страстномъ желаніи Алексѣя Михайловича прямо свидѣтельствуеетъ патріархъ Паисій въ посланіи къ нему съ обратнаго пути изъ

Послѣ неудачи съ учителемъ грекомъ рѣшено было обратиться къ малоруссамъ *) Въ 1640 г. кievскій митрополитъ Петръ Могила предлагалъ Михаилу Θεодоровичу, чтобы онъ въ царствующемъ своемъ градѣ казною своею царскою повелѣлъ монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кievскаго Братскаго монастыря живучи дѣтей боярскихъ и простаго чина грамотѣ греческой и словенской учили. Согласно съ этимъ представленіемъ и рѣшено было поступить, только на первыхъ порахъ новости дѣло не какъ дѣло царское, а какъ дѣло частное. Въ 1647—48 г. приближенный къ Алексѣю Михайловичу человекъ, извѣстный Ѳѣдоръ Михайловичъ Ртищевъ, построилъ при одной церкви, находившейся на вполѣ Москвы, общежительный монастырь и созвалъ въ него до 30 малорусскихъ ученыхъ монаховъ **). Эти монахи и начали въ Москвѣ то риторское ученіе, котораго страстно желалъ Алексѣй Михайловичъ. Но скоро оказалось, что ученость монаховъ, собравшихся въ монастырь Ртищева (по всей вѣроятности: „кто съ борку, кто съ сосенки“) очень не велика и что между ними нѣтъ настоящихъ ученыхъ ***). Тогда государь уже отъ своего лица обратился

Путява, — Акт южн. и западн. Россіи т. 3, № 262 („о учителяхъ, что имѣли великое хотѣніе“)

*) Въ началѣ 1648 года была напечатана въ Москвѣ грамматика Смотрицкаго „въ наученіе православнымъ, наче же дѣтемъ сущимъ“, въ началѣ 1649 г. была напечатана въ Москвѣ такъ называемый Малый катихизисъ „ради наученія и вѣдѣнія во всемъ православнымъ христіанамъ, паче же дѣтемъ учащимся“ не слѣдуетъ ли это понимать такъ, что первоначально хотѣли было съ замѣтованными учебниками устроить въ Москвѣ училище собственными силами?

**) Когда именно Ртищевъ строилъ свой Андреевскій монастырь, положительно остается неизвѣстнымъ. Но мы знаемъ, что нѣкоторые ученики монаховъ его монастыря не позднѣе начала 1650 г. уѣхали въ Кіевъ доучиваться тамъ полатыни, — *Соловьева* Ист. т. X, 2 изд. стр. 150; у *Киптерева* въ указанной книгѣ стр. 140, прим. (Въ Очеркѣ собранія рукописей Ундольскаго, принадлежащемъ покойному Виктору, говорится, что въ одной изъ рукописей собранія есть историческія свѣдѣнія о Ртищевскомъ братствѣ, — стр. 5. Но наведеннымъ нами справкамъ, — чрезъ одного молодого ученаго, — свѣдѣнія не заключаютъ въ себѣ ничего новаго).

***) Слич. предвѣдущее примѣчаніе. Представлять дѣло такъ, какъ мы его представляемъ, нѣтъ положительныхъ основаній, но его необходимо

въ Кіевъ съ просьбой о присылкѣ настоящихъ ученыхъ. Другое, для чего нужны были Алексѣю Михайловичу кіевскіе ученые, т. е. настоящіе ученые, это, какъ мы сказали, — повѣрка и исправленіе славянскаго текста Библии по греческому подлиннику. У насъ существовали въ печати уже всѣ богослужебныя книги, по еще не было Библии: Алексѣй Михайловичъ захотѣлъ напечатать и ее (вмѣстѣ съ Кормчею книгою, которая также оставалась еще не напечатанною). Текстъ для печати хотѣли приготовить возможно удовлетворительнымъ образомъ, повѣривъ и исправивъ его по греческому подлиннику *); а такъ какъ въ Москвѣ не было людей, знающихъ греческій языкъ, то для нашего дѣла и требовались кіевскіе ученые. Вѣроятно, по указанію одного москвича, постригшагося въ монахи въ Кіевѣ и прибывшаго въ Москву за милостыней *), царь просилъ кіевскія духовныя власти двумя, одна за другой, грамотами, отъ неизвѣстнаго начала 1649 года и отъ 14-го мая того же года, прислать ему учителей Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, изъ которыхъ первый былъ монахомъ Братскаго, а второй Печерскаго монастыря. Дамаскинъ Птицкій не былъ посланъ (онъ пріѣхалъ въ Москву пѣскольکو послѣ, въ концѣ 1650 года), а вмѣсто него съ Арсеніемъ Сатановскимъ былъ посланъ іеромонахъ того же Братскаго монастыря Елифаній Славинецкій. Арсеній и Елифаній прибыли въ Москву 12 іюля 1649 г. ***).

представлять такъ на основаніи очевидныхъ соображеній: еслибы между монахами Андреевскаго монастыря были настоящіе ученые, то Алексѣю Михайловичу не было бы никакой нужды обращаться въ Кіевъ съ просьбою о новыхъ ученыхъ.

*) За время, пока русскіе не перемѣнили мнѣнія о грекахъ, подъ греческимъ подлинникомъ долженъ быть разумѣемъ подлинникъ древнихъ рукописей.

**) Нѣкоего старца Марка. Съ первой грамотой, адресованной, за безыпностью въ Кіевѣ митрополита Сильвестра Коссова, къ епископу черниговскому Зосимѣ, былъ посланъ этотъ старецъ Маркъ (у Каптерева стр. 20); но что онъ отправился изъ Москвы не ранѣе начала 1649 г., см. Акты южн. и западн. Россіи, т. 3, дополнн № 15, VII.

***) Встрѣтившись съ возвращавшимся изъ Москвы патриархомъ Паисіемъ въ Путивилѣ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вызывать кіевскихъ ученыхъ, московское правительство воспользовалось случаемъ пріобрѣсти и греческаго ученаго: разумѣемъ оставленіе въ Москвѣ спутника Паисіева извѣстнаго Арсенія грека.

Два прошенныхъ учителя, — Арсеній и Дамаскинъ, ничѣмъ не ознаменовали себя на Москвѣ и тотчасъ же по прибытіи въ нее канули въ безвѣстность, по третій, не прошенный и случайно присланный, т. е. Епифаній, помимо своей весьма обширной дѣятельности литературной (преимущественно посвященной переводамъ съ греческаго и латинскаго, какъ того требовали обстоятельства и нужды времени), помимо своей дѣятельности въ качествѣ исправителя богослужебныхъ книгъ, помимо того, что для одной и для другой дѣятельности приготовилъ и оставилъ такого по себѣ продолжателя, какъ монахъ Евимій, наконецъ — помимо своего участія въ дѣлахъ церковныхъ въ качествѣ человѣка, подающаго свой компетентный голосъ, имѣеть еще и ту весьма важную и всего бѣльшую заслугу, что окончательно совершилъ на Москвѣ перемѣну взгляда на позднѣйшихъ грековъ и что такимъ образомъ косвенно былъ однимъ изъ виновниковъ никоновскаго исправленія книгъ. Если изъ тронхъ присланныхъ выдвинулся и сталъ вліятельнымъ дѣятелемъ именно онъ, — Епифаній: то, само собою понятно, потому, что онъ возвышался надъ остальными двумя и что онъ способенъ былъ стать вліятельнымъ дѣятелемъ *). Сейчасъ мы выразились, что Епифаній окончательно совершилъ на Москвѣ перемѣну взгляда на позднѣйшихъ грековъ: не безъ причины выразились мы такъ общо, не указывая на Никона, какъ на лицо, въ которомъ совершилъ Епифаній перемѣну. Первые сомнѣнія въ справедливости прежняго взгляда пошли отъ Никона, бывъ плодомъ его бесѣды съ патріархомъ Памсіемъ; но что касается до окончательнаго признанія неосновательности взгляда, то существуетъ вся вѣроятность думать, что дѣло происходило не такъ, чтобы Епифаній успѣлъ достигнуть этого по отношенію къ Никону, а Никонъ по отношенію къ царю и другимъ. Въ минуту пріѣзда въ Москву, 12 іюля 1649 года, кіевскихъ ученыхъ Никонъ находился въ Новгородѣ, на митрополитчю каедру котораго онъ былъ поставленъ четыре мѣсяца назадъ, и не пріѣзжалъ въ Москву по край-

*) Первоначально онъ выдвинулся случайнымъ образомъ. Въ кіевскихъ ученыхъ нужны были люди, знающіе греческій языкъ, между тѣмъ спутникъ его Арсеній Сатановскій не зналъ этого языка, а зналъ одинъ латинскій.

ней мѣрѣ до зимы 1649—50 года *). Слѣдовательно, до этой зимы не могъ онъ видѣть и Епифанія. Между тѣмъ, мы имѣемъ основаніе полагать, что въ Москвѣ окончательная перемѣна взгляда если не вполне совершилась, то по крайней мѣрѣ началась прежде, чѣмъ Никонъ могъ видѣть Епифанія. Сильвестръ Медвѣдевъ въ своемъ „Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ“ утверждаетъ, что послѣдній перевелъ литургію Іоанна Златоустаго съ греческаго языка на славянскій лѣта 7157, что должно быть разумѣемо объ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ 1649 г., ибо сентябрь 1649 г. по тогдашнему сентябрьскому счету былъ уже лѣтомъ 7158. Данное Епифанію тотчасъ послѣ его прибытія въ Москву порученіе перевести литургію Златоустаго съ греческаго языка на славянскій несомнѣнно и ясно находится въ связи съ вопросомъ о нашемъ взглядѣ. По всей вѣроятности, дѣло нужно понимать не такъ, чтобы Епифаній тотчасъ же по своемъ прибытіи въ Москву успѣлъ убѣдить, кого надлежало, въ томъ, что должно исправлять славянскія книги по греческому подлиннику, а такъ, что въ Москвѣ тотчасъ послѣ его прибытія въ нее пожелали узнать и видѣть, насколько наша славянская литургія разнится отъ современной греческой или наоборотъ насколько современная греческая литургія разнится отъ нашей славянской. По всякомъ случаѣ это желаніе и крайнее нетерпѣніе, съ которымъ хотѣли удовлетворить себя относительно него, ясно показываютъ, что вопросомъ, который первоначально возбужденъ былъ Никономъ, живѣйшимъ образомъ интересовались и помимо него. А если живѣйшимъ образомъ интересовались вопросомъ, то ясно, что нисколько не были противъ возможности того, чтобы онъ рѣшенъ былъ въ пользу

*) Что послѣ своего прибытія въ Новгородъ 24 марта 1649 г. Никонъ оставался въ немъ лѣто нашего года, это мы знаемъ положительно, — см. у *Соловьева* въ Ист. т. X, 2 изд. стр. 164 стр. Пріѣздъ Никона въ Москву зимой 1649—50 г. долженъ быть предполагать на основаніи показанія Шушерина, который говоритъ, что, бывъ митрополитомъ повгородскимъ, Никонъ, по приказанію государя, каждую зиму пріѣзжалъ въ Москву, причемъ въ этотъ разъ, какъ видно изъ одной грамоты Алексѣя Михайловича къ Никону, — Акт. Экспедиц. т. IV, № 42, если только въ грамотѣ для соблюденія принятой формы и къ присутствующему не пишется какъ къ отсутствующему, раннимъ срокомъ пріѣзда можетъ быть полагается лишь самое Рождество 1649 г.

грековъ, ибо иначе разслѣдованію дѣла предпочитали бы невѣдѣніе. Заинтересованныхъ вопросомъ и посвященныхъ въ его предварительную тайну людей, кромѣ Никона, какъ сказали мы выше, должно быть предполагается еще трое: самъ царь Алексѣй Михайловичъ, духовникъ его протопопъ Стефанъ Воиифатьевичъ и его воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Самъ царь, сколько знаемъ, не имѣлъ личныхъ сношеній съ Енифаніемъ, и слѣдовательно — первый, кто велъ съ нимъ непосредственныя рѣчи о грекахъ, съ цѣлью рѣшенія вопроса о нихъ, и кто тотчасъ же болѣе или менѣе былъ расположенъ имъ въ пользу грековъ, чтобы расположить и остальныхъ двоихъ, былъ или Стефанъ Воиифатьевичъ или Борисъ Ивановичъ. Между двумя лицами — духовникомъ и свѣтскимъ, конечно, вся вѣроятность думать о первомъ, а не о второмъ, а такимъ образомъ Стефану Воиифатьевичу должна быть усвоена вмѣстѣ съ Никономъ честь перваго двигателя нашего весьма важнаго вопроса къ тому его рѣшенію, которое онъ получилъ. Отъ сентября 1649 г. по конецъ юля 1652 г., когда Никонъ былъ поставленъ въ патріархи, прошло времени два года безъ мѣсяца. Мы имѣемъ основаніе утверждать, что Никонъ ставился въ патріархи уже съ рѣшеннымъ намѣреніемъ предпринять исправленіе обрядовъ и книгъ, а слѣдовательно — и съ измѣненнымъ взглядомъ на грековъ; но когда въ продолженіе нашего времени онъ вмѣстѣ съ государемъ, названными двоими и можетъ быть и нѣкоторыми другими совѣтниками государя, посвященными въ тайну (между которыми весьма вѣроятно думать по крайней мѣрѣ объ одномъ — Оѣдорѣ Михайловичѣ Ртищевѣ), окончательно измѣнили взглядъ на грековъ, положительно сказать этого мы не въ состояніи. Очень можетъ быть, что это имѣло мѣсто въ первый же пріѣздъ его изъ Новгорода въ Москву, который по нашимъ свѣдѣніямъ долженъ быть относимъ къ зимѣ 1649—50 г. *). Но если мягкій Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ навязывать новаго взгляда на грековъ престарѣлому патріарху Иосифу, съ тѣмъ чтобы заставить его предпринять исправленіе обрядовъ и книгъ, а предпочиталъ ожидать его смерти: то не могло быть для него и побуж-

*) Показаніе Шушерина.

деній заявлять свой новый взглядъ какими нибудь совершенно ясными дѣйствіями. Напротивъ, онъ долженъ былъ таить отъ патріарха свой новый взглядъ и соединенное съ нимъ или необходимо вытекавшее изъ него рѣшеніе предпринять исправленіе обрядовъ и книгъ, чтобы не огорчать патріарха напраснымъ и безцѣльнымъ образомъ. Такъ это дѣйствительно и было *). А поэтому и мы поставлены въ невозможность указать, — что впрочемъ и не особенно важно, когда именно въ продолженіе указаннаго нами времени случилось, что государь вмѣстѣ съ Никономъ и другими своими совѣтниками окончательно перемѣнилъ свой взглядъ на позднѣйшихъ грековъ **).

Но какимъ образомъ Епифанію удалось достигнуть того, чтобы окончательно перемѣнить въ Москвѣ взгляды на грековъ? Когда относительно какого-либо дѣла мы не знаемъ

*) Что Алексѣй Михайловичъ и его совѣтники дѣйствительно хранили въ тайнѣ до смерти патріарха Іосифа свою перемѣну взгляда на грековъ, относительно этого мы имѣемъ прямые указанія. Стефанъ Вонифатьевичъ несомнѣнно былъ одинъ изъ числа перемѣнившихъ взглядъ и однимъ изъ главныхъ въ этомъ числѣ; между тѣмъ люди, возставшіе потомъ противъ исправленія Никонова, хлопотали было, чтобы онъ былъ поставленъ въ патріархи на мѣсто Іосифа.

**) Въ послѣловіи къ Сестодневу (собранію дневныхъ службъ недѣли), напечатанному въ концѣ 1650 г., дѣлается новое противъ того, какое положено въ самомъ текстѣ, предписаніе относительно пѣнія кондаковъ на павечерницахъ и полуночникахъ по трисвятомъ и на заутрени по шестой пѣсли, и въ объясненіе предписываемой поправки говорится: „понеже и въ греческихъ переводахъ по сему же уставу (какъ предписывается въ послѣловіи) обрѣтохомъ, сего ради и послѣдующе сему также указахомъ и положихомъ на концѣ книги сея; на ряду же (въ самомъ текстѣ) указанному не динитя никто же, ниже смущается о семъ, зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ“. Дополнительное предписаніе, содержащее поправку, несомнѣнно принадлежитъ Епифанію Славянецкому, относительно участія котораго въ печатаніи богослужбныхъ книгъ въ 1650 г. мы имѣемъ и положительное свидѣтельство (см. у Медвѣдева въ Оглавленіи книгъ, кто пѣхъ сложилъ, § 23, св. Аѳанасій). По заключать отъ этого предписанія, чтобы къ концу 1650 г. уже окончательно совершилась въ Москвѣ перемѣна взгляда на грековъ, имѣтъ достаточнаго основанія. Поправка, которая дѣлается предписаніемъ, весьма могла быть допущена и при существованіи стараго взгляда на грековъ подъ условіемъ, что за нее говорили древнія греческія книги (такъ, патріархъ Іоасафъ 1-й на основаніи между прочимъ греческихъ книгъ выключилъ изъ Требника 1636 г. чинъ священническаго погребенія).

прямо, какъ оно происходило, то, конечно, въ отвѣтъ на вопросъ о немъ могутъ имѣть съ нашей стороны мѣсто только рѣчи, которыя представляются намъ наиболѣе вѣроятными. Прибывъ въ Москву и узнавъ про здѣшніе взгляды на грековъ, услышавъ здѣшнія рѣчи о нихъ, Елифаній долженъ былъ придти въ величайшее изумленіе, ибо ничего подобнаго не было въ кievской Руси. Можетъ быть, и тамъ начинали было одновременно съ Москвой слагаться тѣ своеобразные взгляды на обычаи церковные, слѣдствіемъ которыхъ были московскіе взгляды на позднѣйшихъ грековъ; но тамъ явилось просвѣщеніе, которое должно было подавить зачатки взглядовъ. И не только во времена Елифанія не было ничего подобнаго въ кievской Руси, но напротивъ тамъ, ведя борьбу съ латинянами и уніатами, самымъ нарочитнымъ и самымъ настоятельнымъ образомъ доказывали неповрежденность православія у грековъ (ибо латиняне, привлекая къ себѣ югозападныхъ русскихъ, старались доказывать имъ, съ одной стороны, будто греки приняли было флорентійскую унію, а съ другой стороны — будто у грековъ подъ игомъ турецкимъ пало христіанство). Въ Кіевѣ горячо доказывали неповрежденность православія у грековъ и ихъ твердую преданность ему, а въ Москвѣ держались убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они измѣнили чистотѣ православія древнихъ грековъ и приняли еретическихъ новшествъ! Совершенно естественно было, чтобы Елифаній выступилъ самымъ жаркимъ апологетомъ грековъ, и такъ какъ люди уже имѣли уши отворстыя и приготовлены къ слушанію апологій (разумѣемъ патр. Пасію), то и случилось, что она возымѣла свое полное дѣйствіе и что постѣ начала, положеннаго патр. Пасіемъ, привела къ концу, т. е. чтобы на Москвѣ окончательно перемѣнили взглядъ на позднѣйшихъ грековъ. Наше московское убѣжденіе относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они заразились еретическими новшествами, пронестало изъ нашего своеобразнаго взгляда на церковные обычаи; но, разумѣется, мы этого не сознавали (ибо никто не сознаетъ своего недоразумѣнія, иначе постѣдшее не можетъ имѣть и мѣста) и искали объяснять дѣло внѣшними причинами. Какъ на внѣшнія причины мы указывали именно на то, что было опровергаемо въ кievской Руси (т. е. будто бы греки при-

нимали флорентійскую унію, будто бы пало у нихъ христіанство подъ игомъ турецкимъ), и слѣдовательно — Епифанію оставалось только пользоваться уже готовыми (уже разработанными и надлежаще поставленными) доказательствами. Должно думать, что собственный живой примѣръ кievской Руси представлялся для московскихъ людей (тѣхъ немногихъ, о которыхъ идетъ рѣчь) особенно убѣдительнымъ доказательствомъ. Не трудно было доказать отъ простаго здраваго смысла, что турки, какъ иновѣрцы, не могли повредить у грековъ православія; но недостаточно было одного здраваго смысла, чтобы доказать, что греки не заимствовали ересей отъ латинянъ, ибо тутъ было иѣчто само по себѣ возможное, и въ этомъ-то случаѣ живой примѣръ кievской Руси и могъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ. Если кievскіе русскіе, веди упорнѣйшую и кровавую бурьбу съ латинянами, въ то же время горячо защищали неповрежденность православія у грековъ, то съ слишкомъ большою наглядностью ясно было, что они не признавали справедливости того, будто греки заражены были латинскими ересями. Слѣдовательно, для московскихъ Русскихъ могъ возникать только вопросъ: не ошибались ли кievскіе русскіе относительно грековъ? Но въ то именно самое время московскіе русскіе сознали превосходство кievскаго просвѣщенія надъ своимъ невѣжествомъ; а такимъ образомъ они должны были допускать и признавать, что имъ — московскимъ русскимъ съ ихъ невѣжествомъ естественнѣе было ошибаться на счетъ грековъ, чѣмъ кievскимъ русскимъ. При этомъ должна была возставать передъ глазами людей великая тѣнь только что умершаго Петра Могилы. Петръ Могила торжественно призналъ неповрежденность православія у грековъ чрезъ то, что представилъ на ихъ соборное разсмотрѣніе и утвержденіе составленный имъ катихизисъ (Православное повѣданіе вѣры): неужели и онъ, человѣкъ такого разума и такой ревности о православіи, могъ ошибаться относительно грековъ? Это обстоятельство, что тогда имѣли московскіе русскіе возвысилась до того, чтобы сознать превосходство просвѣщенія надъ невѣжествомъ, доставляло Епифанію возможность ближайшимъ образомъ убѣждать ихъ въ ошибочности ихъ взгляда на позднѣйшихъ грековъ. На разности съ нами грековъ въ

церковныхъ обычаяхъ у насъ смотрѣли какъ на допущенныя ими еретическія новшества. Но ясно, что новшества легче было допустить людямъ невѣжественнымъ, каковы были мы, нежели людямъ образованнымъ, каковы были греки; а такимъ образомъ, опираясь на это, признанное тогда московскими русскими, превосходство просвѣщенія надъ невѣжествомъ, Епифаній и имѣлъ возможность убѣдить ихъ, что еретическія новшества допущены не греками, а наоборотъ сами самими, вслѣдствіе нашего невѣжняемаго невѣжества *).

*) Въ предисловіи къ первоизданному служебнику 1655 г. дѣло о принятіи Никономъ рѣшенія исправлять обряды и богослужебныя книги представляется такъ, что будто бы самъ оный самостоятельнымъ образомъ принялъ это рѣшеніе. Почему дѣло не представляется такъ, какъ оно было, это совершенно понятно: представлялъ его такъ, какъ оно было, т. е. что почти все зависѣло отъ прихода въ Москву киевскаго монаха, должно было бы казаться оскорбительнымъ для чести московскихъ русскихъ и для чести самого Никона и вообще было бы не удобно (а если Никонъ долженъ былъ приписать инициативу самому себѣ, то конечно, должны были явиться и объясненія, какъ это случилось, относительно дѣянія константинопольскаго собора объ учрежденіи нашего патріаршества, рѣчи котораго о потребленіи изъ церковныхъ огражденій всякой повины будто бы подали Никону первую мысль объ исправленіи, необходимо думать, что оно найдено было имъ вовсе не случайно, а нацѣленно, для той первоначальной цѣли, чтобы переводъ его помѣстить въ прибавленіяхъ къ Кормчей книгѣ, и что только уже потомъ сдѣлано имъ изъ него новое употребленіе; что прибавку къ символу Никонъ не узрѣлъ на саккосѣ Фотія, а узналъ о ней изъ указа константинопольскаго патріарха Павсія, это мы знаемъ положительно, — посланіе Павсія къ Никону, и объ этомъ, въ странное противорѣчіе себѣ, прямо говорится и въ самомъ предисловіи къ служебнику. Для тѣхъ, кто не хочетъ знать никакого „дѣла такъ должно было быть“, т. е. не признаетъ никакой исторической истинности или правдоподобности самой по себѣ и вѣритъ только прямыхъ и ясныхъ свидѣтельствамъ, мы имѣемъ, къ счастью, и это прямое и ясное свидѣтельство; существуетъ записка объ исправленіи Библии при Алексѣѣ Михайловичѣ, авторъ которой не называетъ себя по имени, но очевидно есть современникъ и болѣе чѣмъ вѣроятно — ученикъ Епифаніевъ Евонмій; въ запискѣ этой прямо и ясно говорится, что Никонъ началъ исправлять богослужебныя книги вслѣдствіе представленій Епифанія, см. въ Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина подъ сл. Епифаній, 2 изд. I, 179. Мы сказали выше, что киевскіе ученые и въ числѣ ихъ Епифаній были вызваны въ Москву для риторскаго ученія и для справки Библии съ греческаго на славянскую рѣчь. Въ слѣдствіе предприятаго исправленія богослужебныхъ книгъ, причѣтъ Епифаній сталъ однимъ изъ главныхъ работниковъ, и то и другое отошло на задній планъ.

Мы сказали выше, что Никонъ вступилъ на патриаршій престолъ уже съ заранѣе принятымъ намѣреніемъ произвести исправленіе обрядовъ и книгъ. Это ясно видно изъ его поведенія при возшествіи на престолъ. Прежде чѣмъ изъяснить свое согласіе на принятіе сана патриаршаго, онъ потребовалъ, чтобы ему дано было всѣмъ торжественное обѣщаніе, что будутъ слушаться его какъ пастыря и отца во всемъ, что онъ будетъ возвѣщать о догматахъ Божіихъ и о правилахъ *). Предъявлять это необычное требованіе Никонъ не имѣлъ никакихъ побужденій для себя въ прошедшемъ, ибо прошедшее вовсе не представляло примѣровъ того, чтобы не слушались патриарха, и очевидно, что онъ имѣлъ въ виду не прошедшее, а будущее, т. е. что онъ опасался невинновенія и сопротивленія себѣ относительно уже рѣшеннаго имъ исправленія обрядовъ и книгъ.

Прежде чѣмъ обращаться къ другому, поставленному нами, вопросу, мы должны сказать о новомъ, не давно заявленномъ, мнѣніи относительно предшествоващаго вопроса. Новое мнѣніе принадлежитъ нашему достоуважаемому сотоварищу Н. О. Кантереву и состоитъ въ томъ, что существовавшій у насъ погрѣшительный взглядъ на позднѣйшихъ грековъ переимѣнился не Никонъ, а еще его предшественникъ Іосифъ и что „Никонъ въ своей дѣятельности только продолжалъ то, начало чему было положено при его предшественникѣ“ (см. нѣсколько разъ упомянутое нами выше изслѣдованіе г. Кантерева: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“).

Оправдывая себя извѣстнымъ: *magnus amicus Plato, sed magis amica veritas*, мы должны рѣшительнымъ образомъ высказаться противъ справедливости новаго мнѣнія г. Кантерева. Переимѣна взгляда на грековъ, какъ говорили мы выше, дѣйствительно совершалась у насъ въ послѣдніе годы

*) Что дѣло дѣйствительно было такъ, это несомнѣнно доказывается однимъ изъ писемъ Никона къ Алексѣю Михайловичу, въ которомъ онъ говоритъ о полученіи имъ упомянутаго обѣщанія: звать и очипять Никону предъ самимъ царемъ было бы нѣчто невозможное; равнымъ образомъ, фактъ былъ признанъ и самимъ государемъ во время производства суда надъ Никонъ (только съ заявленіемъ спора противъ той широты обѣщанія, которую приданаго послѣднему Никонъ въ посланіи къ патр. Діонисію).

патріаршества Іосифа; но она совершилась помимо него и даже какъ бы тайкомъ, въ секретѣ отъ него, при враждебномъ къ нему отношеніи указаннаго выше кружка людей, съ царемъ во главѣ, который возвысился до того, чтобы переменить взглядъ. Что же касается до самого Іосифа, то несомнѣнно, что ранѣе того, какъ началась независимая отъ него перемена взгляда на грековъ, онъ вовсе не перемѣнялъ этого взгляда и продолжалъ оставаться при томъ же взглядѣ, что и его предшественники. Если бы еще патр. Іосифъ ранѣе Никона переменялъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ: то имъ бы еще и предпринято было исправленіе обрядовъ и книгъ: одно столько же необходимо предполагается другое, сколько необходимымъ образомъ предполагается, что если я созналъ ошибку и если я имѣю добрую волю и возможность исправить ее, то я тотчасъ же ее и исправляю. Дѣло имѣетъ себя именно такимъ образомъ, и какъ предполагать о комъ-нибудь, что онъ созналъ свою ошибку, имѣетъ желаніе и возможность исправить ее и въ тоже время не исправляетъ ее, есть совершенная несообразность по существу и логическое противорѣчіе: такъ предполагать и о патріархѣ Іосифѣ, чтобы онъ переменялъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ и однако не предпринялъ исправленія обрядовъ и книгъ, было бы такую же несообразностью. Старый взглядъ нашъ на позднѣйшихъ грековъ состоялъ въ томъ, что ихъ обрядовыя разности съ нами были признаваемы у насъ за ихъ еретическія и погрѣшительныя новшества; переменить взглядъ на нихъ значило признать, что еретическія и погрѣшительныя новшества не у нихъ, а у насъ самихъ. Но если это такъ, то патріархъ Іосифъ, сознавъ, что русская церковь заражена (безсознательно для себя) еретическими и погрѣшительными новшествами, конечно, вмѣстѣ съ симъ и неотдѣлнмо отъ сего долженъ бы былъ возымѣть желаніе устранить новшества и тотчасъ же на самомъ дѣлѣ предпринять ихъ устраненіе; а слѣдовательно, — если онъ не сдѣлалъ или не предпринималъ дѣлать этого послѣдняго, то и предполагать о немъ, будто онъ переменялъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ, тогда какъ онъ не предпринималъ исправленія обрядовъ и книгъ, значить допускать относительно него указанныя нами non-sens и несообразность, что человекъ созналъ ошибку, имѣлъ

желаніе и возможность исправить ее и въ то же время не исправитъ ей. Такимъ образомъ, если патріархомъ Іосифомъ не было предпринимася исправленія обрядовъ и книгъ, то изъ сего необходимо слѣдуетъ или этимъ необходимо предполагается, что онъ не перемѣнялъ и взгляда на позднѣйшихъ грековъ*). Г. Калтеревъ не обратилъ вниманія на бросающіяся въ глаза частности. Главную еретическую новизну позднѣйшихъ грековъ составляло, по мнѣнію русскихъ, то, что для крестнаго знаменія они употребляли троеперстіе, а не двуперстіе. Если бы патріархъ Іосифъ перемѣнилъ взглядъ на грековъ и слѣдовательно призналъ православной старинной это троеперстіе, а бывшее у насъ двуперстіе — еретической новизной, то онъ долженъ былъ бы озаботиться, чтобы ввести у насъ первое въ общее употребленіе вмѣсто втораго. Но что же видимъ на самомъ дѣлѣ? На самомъ дѣлѣ видимъ какъ разъ обратное, а именно — что патріархъ Іосифъ употреблялъ усерднѣйшія старанія, чтобы ввести у насъ въ общее употребленіе именно тотъ способъ перстосложенія, который въ случаѣ перемѣны взгляда на грековъ онъ долженъ бы считать за еретическое у насъ нововведеніе, т. е. двоеперстіе. Позабылъ г. Калтеревъ и про Арсенія Суханова. Если уже патріархъ Іосифъ перемѣнилъ свой взглядъ на грековъ, то какая была дѣль отпирать Суханова на Востокъ и съ какой стати патріархъ, перемѣнившій свой взглядъ на грековъ, захотѣлъ бы послать челоуѣка, который такъ фанатически держался стараго взгляда? Конечно, г. Калтеревъ не представляетъ дѣла такъ,

*) Правда, въ настоящей своей книгѣ г. Калтеревъ утверждаетъ, будто взглядъ на мнимыя новшества грековъ какъ на ереси не былъ у насъ взглядомъ всеобщимъ, а тѣмъ болѣе церковнымъ. Но, впервыхъ, онъ долженъ при этомъ противорѣчить себѣ такимъ образомъ, чтобы признавать и не признавать Стоглавый соборъ за представителя нашей церкви (стр. 26), во вторыхъ, отвѣтитъ ему слѣдующее: патріархъ Никонъ, перемѣнивъ свой взглядъ на позднѣйшихъ грековъ, но не перемѣнивъ своего взгляда на обычай церковные, по отношенію къ лѣкаторымъ по крайней мѣрѣ разностямъ нашимъ съ греками велъ себя такъ, что несомнѣнно признавалъ ихъ за ереси (см. объ этомъ ниже); втретьихъ, мы напомнимъ ему, что соборъ 1666 г. началъ свои дѣянія съ вопросовъ: „какъ должно есть исповѣдывати о связнѣйшихъ патріарсѣхъ греческихъ, суть ли оны православни?.., что о книгахъ греческихъ печатныхъ и древнихъ рукописныхъ держати годствуетъ, суть праведныи и достоуѣрныи“?

что патріархъ Іосифъ перемѣнилъ взглядъ на грековъ, но что еще не перемѣнялъ его царь Алексѣй Михайловичъ (а эта подача Сухановымъ царю и патріарху, послѣ того какъ въ Москвѣ произошла перемѣна взгляда на грековъ, своего „Пренія“, въ которомъ онъ такъ безпощадно обличаетъ послѣднихъ съ точки зрѣнія стараго взгляда, была бы ничѣмъ инымъ, какъ дерзкимъ и тяжкимъ оскорбленіемъ царя и патріарха! *). Наконецъ, г. Кантеревъ или считаетъ патр. Никона за наглаго лжеца и хвастуна, чего мы, разумѣется, не думаемъ, или онъ упустилъ изъ виду то, какъ Никонъ представляетъ задуманное имъ исправленіе обрядовъ и книгъ въ своихъ извѣстныхъ приглашеніяхъ къ собору 1654 г., т. е. что Никонъ представляетъ его какъ дѣло совершенно новое, предпринимаемое и начинаемое именно имъ **).

Что патр. Іосифъ не перемѣнялъ взгляда на позднѣйшихъ грековъ, это составляетъ (по вышесказанному) нѣчто безусловно и такъ сказать математически несомнѣнное. Если же такъ, то, очевидно, не можетъ существовать доказательствъ противнаго и приводимое въ качествѣ таковыхъ доказательствъ, какъ противорѣчащее несомнѣнному, есть или что либо повѣрное и несуществующее или же что либо требующее иного объясненія, нежели какое дается. Г. Кантеревъ приводитъ слѣдующія доказательства того, будто патр. Іосифъ прежде Никона перемѣнилъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ: 1) при Іосифѣ напечатаны въ Москвѣ замѣтательныя изъ кievской Руси два полемическіе сборника противъ латинянъ съ уніатами и противъ лютеранъ (Кириллова книга и Книга о вѣрѣ), въ которыхъ постоянно доказывается неповрежденность православія позднѣйшихъ грековъ; 2) самъ патр. Іосифъ въ своихъ посланіяхъ къ королевичу Вольдемару прямо и ясно говоритъ объ этой неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ; 3) патр. Іосифъ самымъ дѣломъ засвидѣтельствовалъ то,

* И если бы уже патріархъ Іосифъ перемѣнилъ взглядъ на грековъ, то какъ бы Арсеній не отъ своего собственнаго лица, а отъ лица всѣхъ русскихъ, постоянно твердилъ грекамъ, что у насъ въ Москвѣ смотрятъ на нихъ такъ-то и такъ-то?

** А свидѣтельства, что самъ Никонъ до востшествія на патріаршій престолъ смоглъ на грековъ такъ же, какъ и тѣ, которые возстали противъ его исправленія?

что онъ не считалъ поврежденнымъ православіе у позднѣйшихъ грековъ: онъ обращался къ константинопольскому патріарху съ особою грамотою, въ которой просилъ у него разрѣшенія нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ; 4) іосифовскіе справщики ясно высказывали мысль, что наши русскіе богослужебныя книги должно исправлять по книгамъ греческимъ. Три первыхъ изъ этихъ доказательствъ представляютъ собою то, чему долженъ быть придаваемъ иной смыслъ, нежели какой дается, а четвертое доказательство или составляетъ невѣрную (педоуменную) ссылку на то, чего на самомъ дѣлѣ не было или же подходитъ подъ одну категорію съ тремя первыми доказательствами. Если въ Москвѣ при патріархѣ Іосифѣ были напечатаны два южнорусскіе полемическіе сборника, въ которыхъ настоятельно защищается неповрежденность православія у позднѣйшихъ грековъ, то московскіе русскіе, печатая у себя сборники и не выпуская изъ нихъ рѣчей о неповрежденности православія у грековъ, могли понимать эти послѣднія не въ безусловномъ, а ограниченномъ смыслѣ, а именно—признавать, что неповреждено православіе у грековъ, насколько они согласны съ нами, но при этомъ подразумѣвать, что оно у нихъ повреждено, насколько они съ нами несогласны *). Самые сборники должны были оправдывать такой образъ пониманія московскихъ русскихъ и заставляли ихъ думать, что и южные русскіе понимаютъ дѣло такъ же: въ нихъ защищается неповрежденность православія у грековъ и въ то же время сложеніе перетовъ для крестнаго знаменія предписывается не греческое, а московское, не троеперстіе, а двоеперстіе **). Что такой образъ пониманія былъ возможенъ со стороны московскихъ русскихъ, это доказывается намъ дѣйствительнымъ примѣромъ такого пониманія: филаретовскіе справщики—игуменъ Плія и Григорій Опшенимовъ оставили въ катихизисѣ Лаврентія Зизанія неприкосновен-

*) Полагаемъ, что такъ именно понимаютъ дѣло и старообрядцы, весьма уважающие наши сборники.

***) Объ этомъ согласіи южной Руси съ Москвою относительно переговоровъ, причемъ въ южной Руси вовсе не было усвоено ему того значенія, какое было усвоено ему въ Москвѣ, см. въ особой статьѣ о перетосложеніи.

ними его слова, что „греки и до сего времени дѣлу и нерушиму сохраняютъ вѣру Христову“ и въ то же время сдѣлали ему свое извѣстное заявленіе о неприемлемости на Москвѣ греческихъ печатныхъ книгъ, какъ болѣе или менѣе поврежденныхъ. Патр. Іосифъ въ своихъ посланіяхъ къ королевичу Вольдемару прямо и ясно говоритъ о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ именно въ сейчасъ указанномъ нами смыслѣ, т. е. разумѣя его неповрежденность въ отношеніи къ тѣмъ пунктамъ, которые составляли предметъ спора между нами и лютеранами и въ отношеніи къ которымъ православіе позднѣйшихъ грековъ и на самомъ дѣлѣ признавалось на Москвѣ неповрежденнымъ. Но что патр. Іосифъ признавалъ неповрежденность православія позднѣйшихъ грековъ (по количеству въ собственномъ вѣроученіи мы были согласны съ ними) и не признавалъ ея (насколько они различались съ нами въ обрядахъ), видно изъ того, что самъ онъ писалъ королевичу о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ, а что одинъ изъ его представителей въ спорахъ съ пасторомъ королевича, Иванъ Насѣдка, говорилъ о поврежденности православія у позднѣйшихъ грековъ. Если патр. Іосифъ въ 1650 г. обращался къ константинопольскому патріарху Паренію съ просьбою дать отвѣтъ на нѣкоторые вопросы: то опять это можетъ быть понимаемо не такъ, чтобы онъ перемѣнилъ мнѣніе о грекахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ обязательный авторитетъ патріарха константинопольскаго въ вопросахъ вѣро-и-обрядо-ученія. Дѣло шло тутъ главнымъ образомъ объ единогласномъ чтеніи и пѣніи. Будучи страшно укоряемъ своими противниками за нерасположеніе къ введенію единогласія, патріархъ Іосифъ, естественно, желалъ оправдать себя ссылкой на какой-нибудь авторитетъ, который былъ признаваемъ его противниками, и такъ какъ онъ зналъ, что его противники склоняются къ тому, чтобы признавать авторитетъ патріарха константинопольскаго (ибо тайна, которою царь покрывала дѣло съ своими совѣтниками, конечно, не утаилась отъ него), то онъ и могъ обратиться къ патріарху въ тщетной (можетъ быть, внушенной ему какимъ-нибудь греческимъ проходивцемъ) надеждѣ, что получить отъ послѣдняго отвѣтъ, на который можно бу-

детъ ему сослаться въ свое оправданіе. *) Что іосифовскіе справщики ясно высказывали мысль о необходимости исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ по книгамъ греческимъ, это утверждается на томъ основаніи, что въ предисловіи къ грамматикѣ Смотрицкаго, напечатанной ими въ 1648 г., приводятся обширныя выписки изъ словъ Максима грека, которыми онъ оправдываетъ себя въ исправленіи нашихъ книгъ по книгамъ греческимъ. Но выписки изъ словъ Максима приводятся въ предисловіи не съ тою цѣлію, чтобы показать необходимость исправленія нашихъ книгъ по книгамъ греческимъ, а чтобы показать необходимость намъ—русскимъ ученія, просвѣщенія. Все обширное предисловіе къ грамматикѣ, которая есть начальная мудрость изъ семи свободныхъ мудростей или первая наука въ кругѣ школьныхъ наукъ, посвящено доказанію этой необходимости для насъ ученія, просвѣщенія. Послѣ длиннаго ряда свидѣтельствъ въ пользу необходимости просвѣщенія,

*) Патр. Іосифъ обращался къ константинопольскому патр. Наросенію съ просьбою дать отвѣты на четыре вопроса, именно: 1) если совершаютъ литургію многіе архіереи и священники, то можно ли служить двумя потирами, 2) въ службѣ по мірскимъ церквамъ и монастырямъ можно ли читать единогласно, 3) если жены оставляютъ по целюбію своихъ мужей и постригаются въ монашество и если дѣлаютъ тоже и потому же мужья, то остающаяся въ мірѣ сторона имѣетъ ли право вступить въ другой бракъ; 4) подобае ли священствовать (быть поставляемымъ въ священники) тому, кто женится на вдовѣ, на рабынѣ или на дочери своей рабыни или на блудницѣ или на скомрахинѣ, или кто женится во второй разъ. Два послѣдніе вопроса, какъ со всею вѣроятностію нужно думать, заданы были только для счета, чтобы не обращаться къ константинопольскому патріарху съ слишкомъ малымъ количествомъ двухъ вопросовъ, ибо отвѣты на нихъ находились въ Кормчей книгѣ (отвѣтъ на первый вопросъ, состоящій въ томъ, что остающаяся въ мірѣ сторона имѣетъ право вступить въ другой бракъ, — въ 81-мъ параграфѣ 42-й главы Кормчей, что есть 40-я глава 123-й повеллы Юстиніана; отвѣтъ на второй вопросъ, отрицательный, въ 17-мъ и 18-мъ апостольскихъ правилахъ). Что касается двухъ первыхъ вопросовъ, составляющихъ дѣйствительные вопросы, то относительно перваго изъ нихъ должно думать, что введенія двухъ потировъ желалъ Пиконъ, что патр. Іосифъ съ своей стороны протипился этому и что, задавая вопросъ константинопольскому патріарху, онъ (патріархъ) надѣялся, какъ это и на самомъ дѣлѣ было, получить отрицательный отвѣтъ на вопросъ (спустя вѣсколько времени съ тѣмъ же вопросомъ, въ числѣ другихъ вопросовъ, обращался Арсеній Сухановъ къ александрійскому патріарху, а вопросы Суханова къ этому послѣднему патріарху должны быть

заимствованныхъ изъ житій святыхъ отцовъ и изъ твореній отеческихъ, въ пользу того же приводятся свидѣтельства и изъ многословущаго въ Россіи Максима Грека. „Максимъ Грекъ,—говоритъ предисловіе,—во своей книзѣ своими писаніями хулящихъ ученіе и не требующихъ сего укоряетъ, наче же и обличаетъ, прочее же и не не молить, да искусни будутъ и учени божественнымъ писаніямъ“, и съ сейчасъ указанною цѣлю и приводитъ мѣста изъ Максима; а если приводитъ ихъ именно изъ словъ Максима, которыми онъ оправдываетъ себя въ исправленіи нашихъ книгъ по книгамъ греческимъ, такъ это потому, что именно въ этихъ словахъ находятся желаемыя автору предисловія мѣста (говорящія, что погрѣшности въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ произошли отъ невѣжества нашихъ переводчиковъ и переписчиковъ и что для хорошаго персевода съ греческаго требуется быть человѣкомъ образованнымъ). Но если даже и согласится, что іосифовскіе справщики дошли до сознанія необходимости исправлять наши книги по книгамъ греческимъ; то подъ греческими книгами пужно будетъ разумѣть не новыя или современныя, а древнія *); что же ка-

считаемы за вопросы, порученныя ему Никономъ съ кружкомъ тѣхъ людей, которые начали перемѣнять взглядъ на грековъ). На свой собственный вопросъ „подобаетъ ли въ службѣ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ читать единоголасно“, Іосифъ получилъ отъ константинопольскаго патріарха отвѣтъ. „не только подобаетъ, но и непремѣнно должно (Что Іосифъ обращался къ константинопольскому патріарху съ своими вопросами тайно отъ людей протявнаго съ нимъ образа мыслей относительно многогласія, это видно изъ сейчасъ указанного обстоятельства, что съ вопросомъ о погиряхъ Сухановъ снова обращался къ александрійскому патріарху. Если бы Никонъ, которому должны быть усвоены вопросы, предложенныя Сухановымъ александрійскому патріарху, зналъ о Пароеніевомъ отвѣтѣ Іосифу относительно погировъ, то не сталъ бы задавать въ другой разъ вопроса о нихъ.—Съ грамотой отъ Іосифа къ Пароенію ѣздилъ константинопольскій грекъ Оома Ивановъ. Этотъ Оома Ивановъ былъ близкій человѣкъ къ Пароенію (см. въ 1-й за 1891 г. книжкѣ Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцевъ статью г. Кантерева: Пріѣздъ въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія, стр. 235 прим.), и онъ-то, вѣроятно, и обнадѣжилъ нашего патріарха, что привезетъ ему отъ константинопольскаго патріарха отвѣтъ объ единоголасіи желательный для него).

*). Причемъ они держались бы ошибочныхъ представленій относительно возможности исправленія славянскихъ книгъ по этимъ древнимъ греческимъ книгамъ, о чемъ сейчасъ ниже.

сается до первыхъ, то мы имѣемъ прямой отзывъ о нихъ одного изъ справщиковъ (Ивана Насѣдки), какъ о книгахъ поврежденныхъ *).

Если бы еще патр. Иосифъ измѣнилъ взглядъ на грековъ, съ тѣмъ, чтобы предпринять соотвѣтственную сему измѣненію взгляда дѣятельность по отношенію къ обрядамъ и книгамъ: то еще противъ него и долженъ былъ бы подняться тотъ протестъ, который мы видимъ поднятымъ противъ Никона. Г. Кантеревъ утверждаетъ, будто такъ дѣйствительно и было. Но это съ его стороны есть странное недоразумѣніе. Къ патр. Иосифу питали сильную вражду члены кружка протопопа Стефана Воиофатьевича; г. Кантеревъ полагаетъ, что питали вражду не всѣ члены кружка, а только нѣкоторые, именно—что это были тѣ самые члены кружка, которыхъ послѣ мы видимъ протестующими противъ Никона, и что они, отдѣлившись отъ Стефана Воиофатьевича (котораго, по послѣдующимъ свѣдѣніямъ о немъ, должно было бы считать перемѣнившимъ взглядъ вмѣстѣ съ патриархомъ) возстали противъ Иосифа за тоже, за что послѣ возставали на Никона. На самомъ дѣлѣ враждовали противъ Иосифа не нѣкоторые только, а всѣ вообще члены Стефанова кружка (не распадавшагося во все правленіе Иосифа), съ нимъ самимъ во главѣ, а дѣйствительная причина вражды состояла не въ перемѣнѣ патриархомъ взгляда на грековъ (тогда Стефанъ былъ бы не противъ патриарха, а съ нимъ, какъ послѣ былъ съ Никономъ), а въ его со-

*) Г. Кантеревъ указываетъ и на дѣйствительныя попытки исправленія славянскихъ книгъ по книгамъ греческимъ, имѣвшія мѣсто въ послѣднее время патриаршества Иосифа. Но Иосифъ въ послѣднее время своего патриаршества, какъ это знаетъ и г. Кантеревъ, былъ не столько дѣйствительнымъ, сколько номинальнымъ патриархомъ, и нѣкоторыя попытки исправленія книгъ, начавшіяся при немъ со времени пріѣзда кіевскихъ ученыхъ и принадлежащая симъ послѣднимъ, должны быть усвоены инициативѣ не его, а тѣхъ, кого Епифаній Славинецкій успѣлъ склонить на сторону грековъ (разумѣется исправленіе Шестоднева, указанное выше, которое впрочемъ не имѣетъ и того значенія, которое усвоить ему г. Кантеревъ; а послѣсловіе въ Коричей книгъ, на которое онъ еще ссылается, принадлежитъ не Иосифовской, а никоновской редакціи послѣдней, и понимается имъ объ Иосифовомъ времени неправильно; притомъ же это послѣсловіе говоритъ о греческой Коричей книгъ, *древними писцы* написанной).

противленіи введенію единогласія. На соборѣ объ единогласіи, бывшемъ 9 февраля 1651 г., патріархъ Іосифъ жаловался, что онъ „третіе се лѣто есть біемъ отъ свидникъ, терпя клеветныя рапы“: третіе лѣто назадъ отъ 1651 г. есть 1649 годъ, и ясно, что Іосифъ говоритъ о біеніи отъ свиднкъ, начавшемся сценой 11 февраля 1649 г., о которой мы говорили выше *).

Обращаемся къ другому, поставленному нами, вопросу: что такое было или въ чемъ состояло Никоново исправленіе богослужебныхъ книгъ?

На основаніи предисловія къ служебнику 1655 г., который представляетъ собою первую исправленную Никономъ богослужебную книгу, отвѣчаютъ на вопросъ, что онъ-Никонъ исправлялъ напечатанныя до него богослужебныя книги по древнимъ рукописямъ славянскимъ и греческимъ. Но какъ именно понимать это исправленіе? Въ предисловіи къ служебнику говорится, что въ новыхъ московскихъ печатныхъ книгахъ обрѣтаются многія несходства съ древними греческими и славянскими рукописями, а прямѣе сказать—погрѣшенія противъ нихъ, но что эти послѣднія „единъ кушно чинъ и уставъ показываютъ“, во всемъ одиѣ съ дру-

*) Правленіе патр. Іосифа называется и обзывается темнымъ временемъ за то, что при немъ употреблены были усерднѣйшія старанія о введеніи у насъ въ общее употребленіе двоеперетнаго крестнаго знаменія. Это, конечно, совершенно неосновательно (и если угодно, даже болѣе, чѣмъ неосновательно). Люди употребляли усердныя старанія вовсе не потому, чтобы они были сравнительно темны или невѣжественны, а совсѣмъ по другой причинѣ: двоеперетіе давно было признано у насъ тѣмъ правильнымъ и православнымъ способомъ перетосложенія, который долженъ быть употребляемъ всѣми (опредѣленіе Стоглаваго собора); но оно не входило у насъ въ общее употребленіе и до времени патр. Іосифа (такъ какъ и до его времени вмѣстѣ съ двоеперетіемъ продолжало оставаться троеперетіе); а по этому онъ и предпринялъ старанія къ достиженію того, чему, по тогдашнему пониманію дѣла, которымъ однимъ, конечно, онъ могъ и долженъ былъ руководствоваться, давно надлежало быть; иначе сказать, эти заботы Іосифа о введеніи двоеперетія въ общее употребленіе свидѣтельствуютъ не объ его темнотѣ, которая тутъ не причемъ, а объ его особенной ревности къ устраненію, — подразумѣвается, какъ онъ понималъ дѣло, продолжавшей оставаться погрѣшности (употребленія троеперетія). Какъ за нимъ думать о патр. Іосифѣ, разумѣемъ — лично о немъ, это составляетъ не совсѣмъ рѣшительный вопросъ и по всякомъ случаѣ рѣши объ этомъ потребовали бы такого длиннаго отступленія, котораго здѣсь мы не

гми согласуясь, и обыкновенно или, по крайней мѣрѣ, большею частью дѣло понимается такъ, будто Никоново исправленіе богослужебныхъ книгъ состояло въ точномъ и настоящемъ воспроизведеніи древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописей или было ничѣмъ инымъ, какъ этимъ точнымъ воспроизведеніемъ. Такое пониманіе дѣла, основанное на ошибочномъ толкованіи недостаточно опредѣленныхъ словъ предисловія къ служебнику, есть пониманіе совершенно неправильное, ибо представляемое въ подобномъ видѣ исправленіе богослужебныхъ книгъ было дѣломъ вовсе невозможнымъ и было бы со стороны Никона дѣломъ, лишоннымъ смысла.

Въ минуту принятія нами христіанства отъ грековъ, о чемъ мы отчасти говорили выше, богослуженіе у нихъ еще вовсе не достигло конца своего образованія и еще вовсе не приходило къ совершенному единообразію, напротивъ оно продолжало образовываться и продолжало сохранять большее или меньшее разнообразіе относительно частностей весьма долгое время и послѣ принятія нами христіанства. Все то новое, что по мѣрѣ теченія времени являлось въ богослуженіи у грековъ, было замѣтваемо отъ нихъ и нами, и почти все то разнообразіе, которое, не смотря на теченіе времени, оставалось въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ, перешло

можемъ себѣ позволить. Несомнѣнно только то, что „новыя вѣянія“, которыя начались въ послѣднее время его правленія, или вовсе не отъ него, а отъ самого царя съ Никономъ, Стефаномъ Воицѣвъевичемъ и другими государевыми совѣтниками. Въ послѣднее время своего правленія, когда между нимъ и царемъ стала крайне непріязненный ему духовникъ, онъ былъ, какъ уже мы говорили, болѣе понятливымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, патриархомъ, думалъ и говорилъ единственно о томъ, что „перемѣнить меня, скинуть меня хотѣтъ“, намѣревался отъ ерама самъ добровольно оставить кѣседу (Книжные справщики времени патр. Юсефа, по повѣствованію ничего общаго съ Аввакумами и Лазарями и представлявшіе нтъ себя кѣбую корпорацию ученыхъ въ тогданшемъ смыслѣ, несомнѣнно, были люди очень замѣчательные, въ своемъ товариществѣ и своемъ кружкомъ они дошли до сознанія необходимости просвѣщенія,—не какъ нибудь впрочемъ извѣстно, а прогрессировавъ въ томъ направленіи, которое уже началось ранѣе, о чемъ говорить здѣсь было бы также неумѣстно,—и не есть дѣло невозможное, что страстное желаніе, которымъ одушевлялъ былъ царь Алексѣй Михайловичъ завести на Москвѣ риторское ученіе, хотя отчасти было плодомъ вліянія печатнаго двора на царскій дворецъ).

изъ этихъ послѣднихъ книгъ и въ наши славянскія книги *). А по сей причинѣ древнія греческія и древнія славянскія рукописи богослужебныхъ книгъ, разумѣя въ нихъ „все“ не въ особенномъ и частномъ смыслѣ, какъ это разумѣется въ предисловіи къ служебнику и о чемъ ниже, а въ смыслѣ обыкновенномъ и общемъ, не только не представляютъ совершеннаго согласія между собой, а напротивъ представляютъ такое разногласіе, что, говоря безъ преувеличенія, трудно найти двѣ рукописи, которыя были бы совершенно между собой согласны **). При сейчасъ указанномъ положеніи дѣла съ древними рукописями греческими и славянскими, какимъ образомъ возможно было бы такое исправленіе по нимъ книгъ, которое составило бы точное и настоящее ихъ воспроизведеніе? Тутъ возможно было бы одно изъ двухъ: или чтобы взята была въ качествѣ оригинала какая-либо одна греческая либо славянская рукопись или чтобы изъ многихъ рукописей сдѣланъ былъ сводъ. По въ первомъ случаѣ какими бы основаніями могъ руководиться Никоиъ, чтобы остановить свой выборъ на извѣстной рукописи, а во второмъ случаѣ какими бы основаніями могъ онъ руководиться, чтобы брать въ свой сводъ изъ рукописей одно и не брать другаго? Но положимъ, что невозможное было возможнымъ. Древнія рукописи греческія и славянскія представляютъ богослуженіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало во времена написанія каждой изъ нихъ; но позд-

*) Относительно сего сравнивай нашей Иерогли русской церкви т. I, полов. 2, стр. 297 sqq.

**) Относительно рукописей славянскихъ см. Описанія рукописей синодальной бібліотеки *Горскаго* и *Невоструева* отдѣлъ третій, содержащій книги богослужебныя (и читай предисловіе, относительно рукописей греческихъ см. Евхологій *Гоара* (*Euchologion sive Rituale Graecorum, opera Jacobi Goar*—первое изданіе въ Парижѣ въ 1647 г., второе изданіе въ Венеціи въ 1730 г.; въ частности см. *In sacrae Chrysostomi liturgiam variae lectiones*, самое начало, парижск. изд. р. 87). Cfr новыя русскія изслѣдованія: *Катанскаго* Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви, Спб. 1868, *Одинцова* Порядокъ общаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка, Спб. 1881, *Дмитріевскаго* Богослуженіе въ русской церкви за первые пять вѣковъ, Казань, 1882, *Млинецова*—Митрополитъ Кирианъ иъ его литургической дѣятельности, М. 1882, и *Церковный уставъ* (тщникъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви, М. 1885.

нѣйшее богослуженіе ушло отъ древняго времени впередъ, получивъ тѣ или другія прибавки, подвергнувшись тѣмъ или другимъ измѣненіямъ: съ какой же бы стати Пиконъ, подвергая живую жизнь археологической реставраціи, захотѣлъ возвращать наше богослуженіе къ древнему времени и какой смыслъ могло имѣть это его желаніе? А при семъ и здѣсь, какъ выше, какія бы имѣлъ опъ основанія, чтобы остановиться на одномъ древнемъ времени, а не на другомъ, на третьемъ?

Пиконъ предпринялъ свое исправленіе богослужебныхъ книгъ потому, что перемѣнилъ свой взглядъ на позднѣйшихъ и на современныхъ себѣ грековъ, что, отказавшись отъ прежняго нашего мнѣнія о нихъ, будто они утратили чистоту православія, началъ смотрѣть на нихъ, какъ на неизмѣнно и неповрежденно сохраняющихъ эту чистоту. Что же изъ сего слѣдовало по отношенію къ богослужебнымъ книгамъ? Очевидно—то, чтобы онъ захотѣлъ и предпринялъ исправить наши книги по современнымъ книгамъ греческимъ, дабы привести насъ относительно нихъ въ полное согласіе съ современными себѣ греками. Что относительно богослуженія мы должны быть согласны съ греками, отъ которыхъ мы приняли христіанство, или что богослуженіе должно быть у насъ по сейчасъ указанной причинѣ одно и то же съ ними, это составляло такое же общепризнанное у насъ положеніе, какъ то, что, принявъ вѣру отъ нихъ, мы должны быть одной съ ними вѣры, то-есть, выражая дѣло въ общей отвлеченной формулѣ, какъ то, что мы должны быть тѣмъ, чѣмъ должны быть. Когда предки наши заподозрили позднѣйшихъ грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ, они, естественно, начали учить, что мы должны быть въ согласіи относительно богослуженія съ древними греками, у которыхъ еще не было повреждено православія. Но если Пиконъ перемѣнилъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ и началъ смотрѣть на нихъ какъ на неизмѣнно и неповрежденно сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ: то изъ этого само собою и необходимо слѣдовало, что мы должны быть въ согласіи относительно богослуженія съ этими послѣдними греками, ибо иначе признавать чистоту православія позднѣйшихъ грековъ и не хотѣть того, чтобы быть въ согласіи съ ними относительно бого-

служенія было бы пелѣпостью, логическимъ *contradictio in adjecto*. Но и наконецъ, пристуная къ исправленію книгъ, что провозглашалаъ Никонъ на соборѣ 1654 г., въ своихъ извѣстныхъ „возглашеніяхъ“, какъ не то, что онъ желаетъ привести русскую церковь относительно обрядовъ и богослуженія къ согласію и единенію съ современною церковью греческой? *)

Чему необходимо надлежало быть и что одно только и могло быть, то и на самомъ дѣлѣ было. Первоисправленный Никономъ служебникъ и всѣ послѣдующіе новыя служебники вплоть до настоящаго не составляютъ какіхъ-нибудь книгъ секретныхъ, относительно которыхъ была бы невозможна повѣрка. Эта повѣрка документальнымъ образомъ и доказываетъ, что Никонъ исправилъ служебникъ не по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ, а по современному себѣ печатному греческому евхологію **) и по современному живому чину греческой церкви. Въ библиотекѣ московской синодальной типографіи до настоящаго времени сохраняется экземпляръ греческаго печатнаго евхологія, съ котораго, по указанію Сильвестра Медвѣдева, былъ правленъ служебникъ 1655 года ***).

*) Замѣчательно, что, ссылаясь въ этихъ возглашеніяхъ на книги греческія и славянскія, Никонъ ссылается на славянскія книги: древнія, старыя, древнія (старыя) харатейныя, а къ греческимъ книгамъ не прилагаетъ этихъ эпитетовъ („въ греческихъ служебникахъ, переводахъ, и въ нашихъ старыхъ... якоже греческія и наши старыя книги и уставы повѣдываютъ... противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ“ и пр.)

**) У грековъ нѣтъ нашихъ служебниковъ въ отдѣльномъ видѣ, но служебникъ всегда соединенъ у нихъ съ требникомъ, что и составляетъ евхологію (молитвословъ, у насъ въ древнее и старое время—молитвеникъ).

***) Было бы напраснымъ трудомъ искать древній рукописный служебникъ, который могъ бы быть принятъ за оригиналъ Никонова служебника 1655 года, а для убѣжденія себя въ томъ, что служебникъ этотъ дѣйствительно правленъ по печатному греческому евхологію, слѣдуетъ только взять евхологію Роара и сравнить съ нимъ служебникъ (снося основной текстъ евхологія, который не совѣтъ современной редакціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ разнится отъ служебника, съ *Variæ lectiones*, въ которыхъ приводятся чтенія печатныхъ венеціанскихъ служебниковъ. Девять частицъ изъ третьей просфоры на проскомидіи вмѣсто одной есть особенность между греческими евхологіями печатныхъ венеціанскихъ евхологіевъ, а между славянскими служебниками—бѣвскихъ печатныхъ служебниковъ). Печатный греческій евхологію, съ котораго, по указанію Сильвестра Мед-

Но какъ же понимать увѣренія предисловія къ служебнику, что книги предположено было Никопомъ исправлять, а самый служебникъ на самомъ дѣлѣ былъ исправленъ по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ? Что увѣренія эти должно понимать не въ смыслѣ обыкновенномъ, а особенномъ, не общемъ, а частномъ, это совершенно ясно видно изъ самого же предисловія. Оно само прямо и настойчиво говоритъ, что Никопъ предпринялъ свое исправленіе книгъ съ тою цѣлью, чтобы относительно нихъ привести русскую церковь въ полное согласіе съ современною церковью греческою *); а если такъ, то уже вовсе не можетъ

вѣдѣва, правленъ служебникъ 1655 г., не имѣть, какъ еще и во времена Медвѣдева не имѣя, сорочки или титула и выходнаго листа, такъ что годъ и мѣсто его печати остаются неизвѣстными; относительно мѣста необходимо думать, что оно есть Венеція, ибо въ ней исключительно печатались греками евхологіи, какъ и другія богослужебныя книги, а что касается до года, то по указанію Гоара (Proosa.) и Врето (*Νεολληρικὴ γυλογουία*, I, №№ 7 и 83) до 1655 г. евхологіи были напечатаны въ Венеціи много разъ, именно—въ 1526, 1544, 1570, 1600, 1629, 1638 и 1652 гг. (въ настоящее время на задней перенлетной доскѣ евхологія изнутри наклеены отрывокъ титула какой-то книги, на которомъ сохранилось изображение дерева съ буквами около него: F. A. P. и съ надписью подъ нимъ *Ἐνετί-ῳσι, παρὰ Ἀντωνίου τοῦ Πηλίου, αἰδρ*, то-есть въ Венеціи, въ типографіи Антонія Пинела, 1602 г.; полагаютъ, что это отрывокъ титула самого евхологія, почему и относятъ его къ 1602 г.; но, какъ видно изъ приведенной библиографической справки, евхологіи 1602 г. неизвѣстны, почему и вѣроятнѣе считать нашъ отрывокъ за остатокъ отъ титула не самого евхологія, а какой нибудь другой книги,—можетъ быть декабрьской мѣсячной миссы, которая была напечатана у Антонія Пинела въ 1602 г.,—Врето, № 29). Объ экземплярѣ евхологія, который служилъ оригиномъ для служебника 1655 г., см. въ сочиненіи Медвѣдева „Извѣстіе истинное“, напечатанномъ въ 1-й книгѣ Чтеній Общества Исторіи и Древностей за 1886 г. С. А. Вѣлюковымъ, и въ предисловіи, предпосланномъ сочиненію издателемъ (Медвѣдевъ представляетъ дѣло такъ, будто Никопъ и послѣдующія власти приказывали справщикамъ исправлять книги по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ и будто справщики, обманывая Никона и послѣдующія власти, производили исправленіе по печатнымъ греческимъ книгамъ, — представляетъ, конечно, несправедливо, для тѣхъ полемическихъ цѣлей, съ которыми написано нѣтъ сочиненіе).

*) Приводимыя въ предисловіи слова изъ посланія патр. Нансія къ Никопу: „да совершаю ты (въ священныя лица въ Россіи) послѣдованіе и великое священнодѣяніе по чину великія церкви, да ни едино разство имамы, яко чада истинная единыя и тояжде матере восточныя апогосольскія соборныя великія церкви христовы...; сего ради мы отъ многія любве

быть разумѣемо исправленія книгъ по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ въ обыкновенномъ и общемъ смыслѣ слова. Въ какомъ именно особенномъ и частномъ смыслѣ должны быть понимаемы увѣренія предисловія, что книги предположено было исправлять, а служебникъ дѣйствительно исправленъ былъ по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію и само собою ясно. Перебѣдивъ взглядъ на современныхъ грековъ, Никонъ призналъ наши разности съ ними въ книгахъ за наши погрѣшительныя повшества, и вотъ, утверждая, что это дѣйствительно такъ, предисловіе къ служебнику и ссылается на рукописи греческія и славянскія, т.-е. хочетъ сказать, что относительно разностей между нами и греками тѣ и другія рукописи свидѣтельствуютъ, что древность у грековъ, а у насъ дѣйствительно погрѣшительныя повшества *). Въ самомъ началѣ предисловія къ служеб-

и еже къ Богу желанія, еже имамы быти во вѣхъ соединени и подобии, яко едино тѣло церковное, желаемъ, да исправятся (несогласія въ церковныхъ вещехъ), да не пребудеть нѣкое слово у еретиковъ осудити насъ, яко имамы разньства между нами“... и собствєнныя слова предисловія: „да всякъ православный, невѣдѣнія и сопротивныхъ благочестію погрѣшеній и иже отуду находящія казни убѣгнувъ, во истинномъ разумѣніи и въ неззорномъ съ греческими православными законы согласіи поживеть“..

*) Не всѣ греческія и славянскія древнія рукописи одинъ чинъ и уставъ являли въ томъ смыслѣ, чтобы относительно разностей между нами и греками единогласно говорить въ пользу грековъ и противъ насъ. Рукописи раздѣлялись въ этомъ отношеніи на три класса: одни не говорили ни за грековъ, ни противъ нихъ за насъ, потому что составлявшее предметъ спора между греками и нами въ нихъ было еще иначе, въ болѣе древнемъ видѣ, нежели какъ это у грековъ и у насъ, другія говорили за грековъ противъ насъ, третьи за насъ противъ грековъ. Предисловіе не имѣетъ въ виду рукописей перваго класса, какъ не имѣлись онѣ въ виду и при исправленіи книгъ, потому что онѣ не служили къ рѣшенію спора и, будучи такъ сказать въ сторонѣ отъ него, представляли собою только памятники оставленной старины. Разумѣя рукописи втораго и третьаго классовъ, предисловіе, по видимому, говоритъ неправду, что онѣ одинъ чинъ и уставъ являли въ указанномъ нами смыслѣ. Но исправители книгъ, а ргіогі (на основаніи общаго положенія, что современные греки православны), признававшіе, что наши разности съ греками суть наши погрѣшительныя повшества, смотрѣли на тѣ рукописи, которыя говорили въ нашу пользу противъ грековъ, какъ на рукописи поврежденныя. А такимъ образомъ, когда въ предисловіи говорится, что всѣ древнія греческія и славянскія рукописи одинъ чинъ и уставъ являютъ: то подразумевается, что всѣ рукописи, которыя должны быть признаны неповрежденными (ибо, говоря,

нику говорится, что онъ „исправился съ древнихъ греческихъ книгъ св. горы Аона и прочихъ и харатейныхъ словенскихъ“; по потомъ, въ поясненіе дѣйствительнаго смысла этихъ словъ, въ немъ говорится объ исправленіи служебника, что исправленіе сдѣлано или произведено чрезъ *избраніе истиннаго* отъ греческихъ и славянскихъ рукописей („отъ греческихъ и славянскихъ древнихъ книгъ истинное избране и сію святую книгу служебникъ... новелѣна напечатати“ *).

(Исправленный Никономъ служебникъ, бывъ напечатанъ при немъ три раза, — въ 1655, 1656 и 1658 гг., укоряемъ былъ за то, что изданія не имѣли совершеннаго

что въ рукописи одинъ чинъ и уставъ являютъ, оно пѣ то же время говорить и о рукописяхъ поврежденныхъ, съ которыхъ до Никона печатались московскія книги). Съ нашей теперешней точки зрѣнія такое отношеніе исправителей книгъ къ рукописямъ, конечно, представляетъ собою нѣчто произвольное, но оно нѣсколько не было произвольнымъ съ тогдашней точки зрѣнія при тогдашнемъ состояніи у насъ археологіи и при тогдашнемъ пониманіи у насъ дѣла разности между нами и греками могли быть объясняемы у насъ только такимъ образомъ, чтобы на той или на другой сторонѣ были признаваемы новшества, а слѣдовательно — чтобы были признаваемы поврежденными или тѣ или другія рукописи; перемѣнивъ взглядъ на грековъ, Никонъ призналъ новшества на нашей сторонѣ, а такимъ образомъ онъ а priori долженъ былъ признать поврежденными и тѣ рукописи, которыя говорили за насъ.

*) Въ предисловіи къ служебнику и къ нѣкоторымъ другимъ исправленнымъ книгамъ (тріодъ постная 1656 г.) говорится, что исправленіе было произведено по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ; но въ предисловіяхъ къ другимъ книгамъ говорится, что онѣ — книги новопредложены съ греческихъ текстовъ (преводовъ, — прмологіи 1657 г.) или что онѣ исправлены съ греческихъ книгъ (слѣдованная псалтырь 1658 г.) причемъ, какъ это ясно дается знать (въ предисловіи къ прмологію), подъ книгами должны быть разумѣмы новыя книги. Рукописи не называются въ предисловіи къ служебнику, какъ и въ другихъ предисловіяхъ, рукописями (какое названіе употребляемъ только мы сами), но древними книгами и переводами, т. е. списками, и очень можетъ быть, что подъ греческими древними книгами и переводами разумѣются въ немъ именно печатныя книги, ибо въ предисловіи къ часослову 1653 г., который нѣсколько поправленъ былъ до начала общаго исправленія, говорится, что онъ поправленъ „противъ *древнихъ* греческихъ *печатныхъ* переводовъ“. Соборъ 1666 г. уже довольно прямо даетъ знать, что исправленіе нашихъ книгъ было производимо по греческимъ печатнымъ книгамъ („что о книгахъ греческихъ *печатныхъ* и древнихъ рукописныхъ держати поистинѣ, суть ли праведныя и достовѣрныя“? — дѣяніе 1-е).

согласія между собой, по что всѣ три представляли большую или меньшую взаимную рознь,—см. у *Соловьева* т. XI, изд. 2 стр. 287, сѣг стр. 281, также Медвѣдева „Извѣстіе истинное“. Самы справщики книгъ, по словамъ Медвѣдева, объясняли эту рознь тѣмъ, что въ первомъ изданіи гораздо ради поспѣшенія они „не осмотрѣлись“, то-есть допустили ошибки, и что въ послѣдующихъ двухъ изданіяхъ эти ошибки были исправляемы, сѣг собственныхъ слова справщиковъ въ предисловіи къ ирмологію 1657 г. Но можетъ быть предполагаема и другая, болѣе существенная, причина нѣкоторой розни, а именно—что, съ одной стороны, печатный свхологій, бывшій подъ руками у справщиковъ, болѣе или менѣе расходился или не сходилъ съ современной живой практикой великой или константинопольской церкви и св. горы, которой хотѣли слѣдовать, а съ другой стороны—что самая эта практика въ великой церкви и на св. горѣ не была еще совершенно тождественна *) и что поэтому и не могъ быть сразу установленъ возможно удовлетворительный текстъ служебника **).

Е. Голубинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Сѣг Описанія свод. рукош. *Горск.* и *Новостр* № 368 и 369.

**) Сѣг послѣловіе къ изданію служебника 1667 г.